

Евгений ВЕРШИНИН, кандидат исторических наук

БОЙ ЗА МАКАРКОВУ ЖЕНУ: ПУШКИН ПРОТИВ БЕЛКИНА И МИШКИ ЛЕОНТЬЕВА

Сибирь в XVII веке была, как известно, территорией колонизируемой, всё же не колониальной. По мере стремительного русского продвижения на восток в Сибири возникали города, которые концентрировали в себе новые властные структуры и основной состав колонистов. Жизнь аборигенного населения, втянутого в отношения подданства к Русскому государству, и жизнь русских переселенцев протекала как бы параллельно, пересекаясь лишь в нескольких ключевых моментах, характерных для любого колониационного процесса.

Повседневная жизнь первых русских колонистов — во многом тайна за семью печатями, поскольку сохранившиеся источники носят преимущественно учётно-финансовый и делопроизводственный характер. Приоткрыть эту завесу можно через конфликтные ситуации, коллизии которых отложились в письменных источниках. Одна из них возникла в Сургуте в 1620-е годы, причём на уровне высшей администрации города.

Сургут, основанный в 1594 году, стал центром обширного уезда, население которого в XVII веке состояло исключительно из «ясачных иноземцев». В городе проживало русское население (среди которого, впрочем, были и представители иных этносов), состоявшее из служилых людей и их семей. Если в 1601 году гарнизон Сургута насчитывал 280 человек, то к 1624-му он уменьшился до 204 казаков. По принятой административной практике в сибирские города назначались два воеводы из дворян Центральной России, которым предписывалось все вопросы управления решать вместе, «заодин». Собственно один из них считался воеводой, другой — его «товарищем». Воеводы Никита Евстафьевич Пушкин и Богдан Иванович Белкин получили назначение в Сургут 7 февраля 1625 года. Совместного управления городом и уездом у них не получилось, что, впрочем, в сибирской практике местного управления не было редкостью. Оказавшись «товарищами» по воеводству, Пушкин и Белкин взялись за сочинение кляузных челобитных, выискивая любые поводы, чтобы дискредитировать противника. В порыве обличения друг друга воеводы создали колоритнейшие картины нравов своего времени.

Реальную власть в городе захватил Пушкин, умело используя слабости противника — страсть к хмельному питию и прекрасному полу. Если верить Пушкину, то Белкин как администратор вёл себя безответственно, а как человек — безобразно. Так, 25 марта 1626 года в караульную избу ввалился «пьян казак Мишка Леонтьев сын и десятников и казаков, которые стоят на карауле, лаял матерно и хотел бить». По приказанию Пушкина буяна посадили в тюрьму, однако этим же вечером Белкин, «идучи от вечерни пьян, ис тюрьмы тово Мишку взял к себе на двор». Возможно, таким образом Белкин вербовал себе сторонников среди сургутских казаков.

Летом этого же года просвирица Пелагея донесла Пушкину, что дворовые люди Белкина разломали часть городской стены (укрепления сибирских городов состояли из собственно «города» — кремля и острога, который защищал посад) и сделали лестницы на городские стены. Смысл этого деяния остался неясным. На запрос Пушкина Белкин ответил понятно в каких выражениях и, более того, якобы заявил: «Я де так заворую, что меня велят, сковав, взять к Москве».

Пушкин неоднократно жаловался и в Тобольск, и в Москву, что Белкин не ходит в съезжую избу, то есть присутственное место воевод. Возможно, Богдану Ивановичу было действительно не до того, поскольку у него в доме разыгрывались любовные страсти. Дело в том, что ещё по пути в Сургут (а путь проходил через Тобольск) Богдан Белкин «подговорил» и увёз с собой некую Ирину, жену тобольского стрельца Макара Ортемьева. Сам стрелец в это время находился в походе на Ямыш-озеро, где ежегодно добывалась соль. Вместе с пропажей жены Макара обнаружил исчезновение «живота ево — платия и денег на 60 рублёв». Стрелец пожаловался архиепископу Макарию и тобольскому воеводе князю А. А. Хованскому, которые указали Пушкину произвести

«выимку» неверной жены со двора Белкина. Воеводе предписывалось в присутствии свидетелей допросить стрелецкую жену, а затем саму Ирину и допросные речи выслать в Тобольск.

Узнав о распоряжении тобольских властей, Белкин решил не уступать женщине без боя. Как донёс воеводе Пушкину один из дворовых людей Белкина (бывший тюменский палач Ивашко Васильев), «и Богдан де Белкин позвал нас всех, людей своих, к себе в горницу и говорил де им: не выдайте де меня, как придёт ко мне на двор Микита Пушкин с служилыми и с своими людьми выимать у меня жонки, и вы де порадейте, мимо всех служилых людей и Микитиных людей убейте из лука или из пищали прежде Микиту Пушкина, а в том де я государю за вас отвечаю... Емлите де себе пищали и сабли и держите у себя готово; а ему де, Ивашку, дал остяцкой лук и стрелы». Заодно доносчик сообщил, что у Белкина живёт другая «подговорная жонка», татарка, которую он переманил от муллы, бог весть каким ветром занесённого в Сургут.

Бой за Ирину, Макарову жену, разгорелся 18 октября 1626 года на дворе у Богдана Белкина. Для выимки неверной жены воевода Пушкин создал представительную делегацию, состоявшую из священника соборной Троицкой церкви Илиарха, подьячего Афанасия Кондакова (подьячих, кстати, на тот момент в Сургуте было двое), атамана Тугарина Фёдорова, какого-то количества казаков и двух целовальников из торговых людей. Колоритной и уважаемой личностью был атаман Фёдоров, который начал службу в Сибири ещё в 1591 году. В ноябре того же, 1626 года он подал челобитную, в которой писал: «И ныне я, холоп твой, от многих служб от ран увечен и твоей царской службы служить не могу». Атаман просил поверстать на службу своего сына Петра, а его отставить. Но вернёмся к событиям, произошедшим на дворе Белкина.

Для встречи делегации Белкин, причём «пьян», вышел на крыльцо со своими людьми Митькой Тютчевым и Ефремкой Петровым — все с саблями и пищалами. Заявив, что никакой «подговорной жонки» у него нет, Богдан «учал их лаять матерны и подьячего Офонася Кондакова убил до полусмерти и за бороду драл и на голове волосы выдрал». В своей челобитной, поданной через несколько дней, Кондаков внёс уточнение: «И, убив меня замертва, покинул и оглушил». Помимо Кондакова, пострадали десятники Ивашка Арап и Максим Валцов, которых били и кололи саблями. После этого Белкин со своим войском сел в осаду: запер двери сеней и окна, а двери горницы заложил. Казаки не растерялись и через задние сени ворвались в горницу, где обнаружили «в залавке схоронены» двух женщин — роковую Ирину и подговорную татарку Кузаку. Их обеих вместе с холопами Белкина привели в съезжую избу для допросов.

Там выяснились некоторые подробности частной жизни холостого воеводы. Кузака показала, что в её «похищении» активно участвовала жена атамана Богдана Зубакина (второй атаман в Сургуте наряду с Фёдоровым). И жила она «в горнице с Макаровою женою с Оринкою и спали вместе с Богданом Белкиным. И хотел де Богдан с Макаровою женою и с нею итить в мыльню паритца». Впрочем, на следующий день Кузака внесла уточнения в совместное проживание данного трио. По её словам, Белкин с Ириной «жил, что с прямою женою, и спал с нею вместе». Кузака же за 10 недель пребывания у воеводы сшила ему кафтан пупчатый из соболей. Скорее всего, татарка являлась прислугой, кем она, видимо, и была у муллы.

Сама же Ирина никаких показаний дать не могла, потому что в съезжую избу её привели в крайне больном состоянии. Единственная её фраза сводилась к тому, что Белкин «окормил её кореньем», и «потому де она больна и не говорит и опухла вся». Дело, однако, представляется более тонким. Воевода, очевидно, искренне любил Ирину и, когда та заболела, принял меры, которыми располагала народная медицина. Та же Кузака показала: «А как де Макарова жена учала быть больна, и Богдан де и от своих людей почал таитца и казать Макаровы жены не стал, а на двор де и в мыльну носил её сам».

Лечение болезни Ирины было таким. Белкин послал своего человека к казаку Ивану Бесперстово за травами, и тот дал «коренья иру степного». На допросе казак-травник заявил, что с этого лекарства «люди не пухнут, нешто де будет Богдан ей иное коренье лихое давал». Далее Богдан прибег к помощи двух казачьих жён. Допрошенная Оксютка Кайдалиха нарисовала трогательную сцену. Призванная на двор к Белкину, она обнаружила Ирину, которая лежит «больна, брюхо де у ней опухло... А сам де Богдан у той Оринки груди и брюхо и рожу мажет мазью и, стоя де над

нею, плачет». На вопрос Кайдалихи воевода ответил, что использует деревянное масло. Своевольный воевода бил челом казачьей жене Аксинье, чтобы она вылечила Ирину, и обещал ей: «Что пожелаешь, возмёшь». Кайдалиха пустила в ход медвежью желчь, которой смазала живот больной. На следующий день (а было всё это за неделю до «выимки» Ирины) пришла другая казачья жена, тоже Ирина. Богдан попросил её сходить с больной в баню. Однако и это лечение оказалось неудачным. Принесённая в баню на руках, больная не дала снять с себя рубашку и «велела вынести себя из бани вон, а велела де себя маслом коровьим по брюху рукою помазать». Все способы лечения оказались неэффективными, и потому понятны перепады настроения Белкина – от слёз до хмельных возлияний.

Воевода Пушкин отдал «подговорных женок» на дворы к казакам, поскольку, в случае заключения их в тюрьму, кормить женщин было некому. Более того, имея приказ отправить их в Тобольск, Пушкин не знал, можно ли им дать подводы, что нанесло бы урон государственной казне. Пушкин решил: пусть Богдан Белкин доставит женщин в Тобольск за свой счёт. Однако тот отказался, следуя, видимо, принципу «ни себе, ни людям». К сожалению, характер наших источников таков, что они не дают возможности проследить окончание этой истории.

Зато мы можем выслушать другую сторону – обвинения Белкина в сторону своего противника, выраженные им в двух челобитных и отправленных в Москву ещё до описанных выше событий. Белкин утверждал, что 25 декабря 1625 года Пушкин со своими людьми прямо в съезжей избе его «лаел позорною лаею и били насмерть». Белкин просил отпустить его с воеводства или в Москву, или хотя бы до специального указа в Тобольск. Однако тобольский воевода распорядился по-прежнему быть Белкину в товарищах у Пушкина. Белкин якобы стал ходить в съезжую избу, но Пушкин приказал подьячим отстранить его от делопроизводственной и финансовой документации. Жаловался Белкин и на то, что любые указы и меха с собранным ясаком Пушкин запечатывал только своей печатью (до 1635 года Сургут не имел казённой государственной печати, поэтому использовались личные печати воевод). В целом же обвинения Белкина сводились к тому, что его противник проводит махинации при сборе ясака и посылает в ясачные волости уезда и за его пределы своих людей с товарами – с целью приобретения добротных мехов. А это воеводам было строго запрещено. В противоположность своему корыстолюбивому коллеге Белкин те личные поминки, которые принесли ему ясачные ханты (44 соболя и красная лисица), сдал в государствену казну. Впрочем, вряд ли стоит полностью доверять самохарактеристике Богдана Белкина как честного, но незаслуженно обиженного исполнителя царской воли. Его прилежность к «хмельному питию» делала из него весьма сомнительного администратора. Зато он пользовался успехом у женщин. Во время допроса татарки Кузаки выяснилось, что существовала и третья «подговорная жонка» – некая Анютка, жена кузнецкого казака Федьки Васильева, которую Белкин «сплавил» казаку из Нарыма Федоту Фёдорову. Да и слова Белкина о том, что он «от Микитина убийства... лежал болен», вызывают большое сомнение.

Вот так провели срок своего воеводства в Сургуте Никита Пушкин и Богдан Белкин. Кстати, в Боярской книге 1627 года оба числились как московские дворяне (а не по городским спискам). Если материальное положение Пушкина в этом источнике не указано, то Белкин имел денежный оклад в 15 рублей и поместный в 600 четей². Очевидная вражда между этими воеводами повлияла, возможно, на известный указ 1627 года о ликвидации должности второго воеводы в ряде сибирских городов. В 1627 году в Сургут прибыл уже один воевода — князь М. С. Гагарин.

Примечания

1. Статья основана на документах: РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 76—77, 80—81, 92—95, 106—108, 115—121, 125—131, 166—169, 175—182.
2. Боярская книга 1627 г. М. 1986. С. 70, 97.